

Ты - моё
ИСКУШЕНИЕ

АЙРИН ЛАКС

Хочу тебя

Айрин Лакс

Ты – мое искушение

«Автор»

2024

Лакс А.

Ты – мое искушение / А. Лакс — «Автор», 2024 — (Хочу тебя)

После смерти отца мне досталось огромное наследство и... опекун в придачу. Настоящий тиран! Он сразу же заявил, что займется мной вплотную. Принялся муштровать и наказывать за малейшую провинность. Тиран-опекун собирается меня нянчить? Очень скоро он об этом пожалеет! Главное, не перестараться и... не влюбиться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Айрин Лакс

Ты – мое искушение

Глава 1

Диана

– Кто это такие? Откуда взялись все эти люди?! – спрашиваю.

По сути, просто ору. Пытаюсь докричаться до подруги, стоящей в таком же ступоре, как и я. Мария Ромашкина, или просто Ромашка, смотрит на меня, часто моргая.

– Не знаю... Я думала, что будут тихие посиделки. Меня брат убьет, если узнает, в каком вертепе я побывала, – и начинает трястись.

Я тоже в шоке! Я позвала всего две или три подруги! Понятия не имею, как вечер в компании близких подруг превратился в шумную вечеринку.

Дом моего отца превратился в черт знает что! Гремит музыка, напитки льются рекой. В бассейн с подогревом ныряют полуголые девицы, взметая тысячи брызг.

– Это все Анька! – хватаюсь за голову.

Только она могла привести с собой такую толпу! Зря я доверила ей посидеть немного одной, пока я ездила с охранником за хлопушками. Мама дорогая... Какие тут хлопушки?! Весь зеленый газон уже устлан круглыми конфетти, серебряным «дождем» и с мятыми одно-разовыми стаканчиками.

Прошел всего час, как я оставила Аньку. Ну, может чуть больше... Я выбрала хлопушки, потом долго стояла около витрины с шампанским, шалея от собственной смелости!

А в это время в доме моего покойного отца начал твориться хаос. Свою хлопушку я смело могу засунуть в одно место. Видимо, именно этим местом я и думала, приглашаю Аньку. Она же полмира знает! Вот даже одного чернокожего вижу среди гостей...

Мама... Мамочка моя, что творится?!

Повторяю снова и снова. Оба моих родителя мертвы. Мама умерла, когда мне было девять лет. Она погибла в автокатастрофе, в ее машине отказали тормоза.

Я осталась жить с отцом. Под его надзором. Вернее, под надзором нанятых им людей. Потому что сам он был постоянно в разъездах. Наверное, из-за его большого бизнеса.

Мы тоже часто переезжали с места на место. Только в этом городе обосновались на два с лишним года.

Из-за частых переездов у меня есть огромное количество знакомых и почти нет настоящих друзей.

Вот только Ромашка и Анька... Диаметрально противоположные.

Ромашка – тихая и спокойная отличница, которую старший брат воспитывает в строгости. Скромная и богобоязненная. Анька – буйная и яркая, как фейерверк. И очень-очень... общительная!

Я посчитала ее за свою подругу, но глядя, как он вихрем носится по газону и триндит со всеми подряд, я понимаю, что таких подруг, как я, у нее десятки, если не сотни.

Я не против немного повеселиться. Но лишь немного! Без угрозы разломать все на части и нанести урон имуществу. Однако, именно это сейчас и происходит!

Повсюду крики и шум, приглашенные Анькой друзья ведут себя, как дикари! Они могут разнести все в щепки.

– Лей-лей-лей! – скандирует несколько человек за моей спиной.

Я поворачиваюсь. Сразу же столбенею от возмущения.

Два парня держат папин золотой кубок! Папа получил этот кубок за борьбу в вольном стиле.

Два других парня льют в огромный кубок черт знает что, а собравшиеся рядом скандируют: «Лей-лей-лей!»

Эта бурда... точно смертоносная, потому что смешивать то, что смешивают два балбеса, не отважатся даже самые пропащие пьяницы!

– А ну стоять! Всем стоять! – кричу я.

Ха. Меня никто не слышит.

Тогда я забираюсь на один из столиков и машу руками, крича изо всех сил. Легкие начинают гореть от чрезмерных усилий.

– Всем стоять!

Музыка сразу же смолкает.

Ого! Вот это меня слушаются. Правильно делают. Я здесь хозяйка! Сейчас скажу, чтобы все вели себя потише. Но причина не во мне, потому что...

Рядом с музыкальным центром стоит высокий. Нет... Высоченный мужчина. Он кажется мне смутно знакомым. Где-то я его уже видела, но не помню, где...

– Эй, мужик, какого фига ты музон вырубил?! – возмущается кто-то из толпы.

Через секунду музыка вновь начинает литься оглушающим потоком из всех динамиков. Бомбит так, что барабанные перепонки вибрируют от сильнейшего напора.

Внезапно... Слышатся частые выстрелы. Музыкальный центр взлетает на воздух. Вернее, то, что от него осталось.

Паника! Незванные гости пишат, давят друг друга, обливая напитками и кидаясь в разные стороны.

– Вечеринка окончена!

Низкий мужской голос перекрывает командным басом испуганные визги и крики. Я коченею на месте от паники, узнав, кто здесь раскомандовался. Буду рада ошибиться, но я уже слышала этот голос несколько раз в своей жизни, каждый раз едва не падая в глубокий обморок.

Это друг моего отца.

Боже, пусть я ошибусь. Пусть это будут слуховые галлюцинации.

Но...

Я не ошибаюсь.

Это он. Я видела его всего несколько раз в своей жизни, но знаю много по разговорам отца. Нет никаких сомнений в том, что это именно друг моего отца.

Именно он стоит возле обломков музыкального центра.

Он почти не изменился за несколько лет. Все такой же пугающий и недостижимо огромный. Не знаю, сколько у него рост, но что-то около двух метров.

Его широкие плечи такие огромные, что запросто можно сесть на одно из них, как на лавочку в парке. Смолянисто-черные волосы непривычной длины и зачесаны назад, а я помню его коротко-стриженным, почти лысым и начисто выбритым.

Однако сейчас у него красуется короткая, стильная борода, что только добавляет ему пару десятков баллов по шкале импозантности. Он крепко сжимает в левой руке ствол пистолета.

– Марш на выход. В ряд по трое.

Вот еще! Перепуганные гости несутся к воротам, как овцы, сбившиеся в стадо.

– В ряд. По трое! – ледяным голосом командует друг отца, пуская несколько пуль поверх голов убегающих.

Это отрезвляет. Настолько, что все выстраиваются и дружно шагают на выход. Неуверенно, что штаны на всех остались сухими...

– Все, что вы украдете, будете возвращать в пятидесятикратном размере. Лично мне! – подстегивает друг моего отца.

От толпы отделяются несколько человек, выкладывая на столик ювелирные украшения, папины золотые часы, кто-то даже оставляет на столе папину кеглю для игры в теннис...

– Тебе сюда вход запрещен! – рывкает мужчина, безошибочно находя в толпе Аньку, виновницу всего происшедшего.

Я хлопаю ресницами. Когда он успел появиться?! Кто его пустил?! Как он смог заметить то, что не заметила я?!

Вот это заявили гости... Они тянутся рядами на выход. В тишине слышен лишь шорох подошв по асфальтированным дорожкам. Ворота захлопываются за последним из них.

Я беспомощно оглядываюсь по сторонам, в поисках поддержки. Около меня не остается ни одного! Даже Машка-Ромашка предпочла тихонечко улизнуть!

– Слезай!

Несмотря на то, что я стою на столе, я почти одного роста с ним. Он в гневе, а мне становится жутко.

Я сглатываю ком страха. Горло перехватило как будто колючей проволокой, мне так тяжело дышать, что я боюсь умереть от недостатка кислорода. Еще хуже мне становится от темного взгляда друга отца.

Взрослый, сильный мужчина, размером с огромный шкаф, яростно испепеляет меня взглядом. Я словно застыла в состоянии аффекта и не в силах сдвинуться с места. Пристально разглядываю его.

Впервые нахожусь так близко от этого мужчины. И от каждого взгляда, брошенного в его сторону, становится еще страшнее. Он складывает руки под грудь.

Я пошатываюсь на месте. Под смуглой кожей вздуваются бицепсы. Вообще-то на улице довольно прохладно, на мне надета утепленная толстовка.

Но ему холод ни по чем – стоит в военных брюках и майке-борцовке, как будто на улице стоит жаркое лето!..

С опаской разглядываю его огромные кулаки. Сдавит голову, как переспелый арбуз и...

Мамочки, какой же он огромный! Кто его сюда запустил?!

– Слезай со стола! – рывкает мне командным басом.

От крика на его шее напрягаются толстые, синие вены. Шея у него – толщиной, как два моих бедра... Или даже три!

Может быть, я лишь от страха все настолько остро воспринимаю, но почему, черт побери, старый армейский друг моего отца раскомандовался?!

Глава 2

Диана

Привык орать на своих подчиненных, солдафон! А у меня от страха колени трясутся, но тем не менее я еще пытаюсь стоять.

– Что ты здесь устроила?!

От его крика меня будто ветром сдувает. Причем не в ту сторону, в какую нужно.

Я опасно шагаю вбок. То есть в пустоту. Высота небольшая, конечно же. Но я настолько неудачливая, что могу сломать ногу не ровном месте! Запросто!

Я верещу от страха и зажмуриваю глаза. Точно шмякнусь! Заработаю сотрясение головного мозга.

Мое падение растягивается на несколько секунд...

Я падаю так долго, потому что не падаю.

Но вишу в воздухе и даже могу бултыхнуть ногой, попав во что-то твердое. В каменный пресс солдафона.

Он успел среагировать и подхватить меня. Сейчас его пальцы впиваются в мою талию. Он держит меня на вытянутых руках, как будто я совсем ничего не вешу. Пылинка!

– С-с-спасибо! П-п-п-поставьте меня землю. Прошу.

Он еще секунду сверлит меня темным, полыхающим взглядом, и лишь потом опускает. Но отойти в сторону не спешит. Теперь мой взгляд находится на уровне его груди. Не грудь, а какие-то громадные холмы, быстро вздымающиеся и опадающие от частого, тяжелого дыхания.

Мне приходится задрать голову высоко вверх, чтобы посмотреть на его лицо.

Он пригвождает меня к земле, просто впечатывает в нее. Я как будто становлюсь еще меньше, чем есть. Хотя во мне и так всего метр шестьдесят!

Разглядываю его квадратную челюсть, решительный нос и нахмурившиеся брови.

– Что вы здесь делаете? – блею я.

– Приехал по просьбе твоего отца. За мной!

Друг отца шагает в сторону дома. Я семеню за ним, как послушная собачонка, едва поспеваю за его широким размашистым шагом.

Мой отец ничего не говорил мне о приезде своего друга. Папа тяжело болел в последние полгода, но не предупредил, что его старый армейский друг будет распоряжаться всем, как у себя дома. А ведь именно это грубый здоровяк и делает, входя в просторный холл нашего особняка хозяином положения.

Оправившись от первоначального шока, я начинаю злиться на незваного гостя.

Он – гость, я – хозяйка! Именно так все и должно быть.

Вообще, все так и есть.

Нужно всего лишь напомнить ему, кто есть, кто! Потом ласково указать на дверь, поблагодарив за заботу, разумеется!

Я забегаю следом за другом отца и торможу прямым на пороге холла.

– Ты устроила в доме своего отца, глубокоуважаемого мной человека, бардак. Ты и будешь его ликвидировать!

Верзила тыкает пальцем вверх, на огромную хрустальную люстру. На ней покачивается чей-то красный лифчик. Понятия не имею, как он туда попал!

Я буду ликвидировать бардак?! Да я и тряпку в руках держать не умею.

– Все по дому делает прислуга! – робко возражаю.

– Теперь все по дому будешь делать ты! – заявляет солдафон, разваливаясь в кресле.

Но тут же подсказывает, вытаскивая из-под своего зада раздавленную алюминиевую баночку кока-колы.

Штаны друга отца безнадежно испорчены, как и светло-бежевое кресло, обтянутое дорогой тканью.

– Ну, все. Ты допрыгалась! – зловеще говорит друг отца, расстегивая ремень на штанах цвета хаки. – Я хотел быть с тобой мягким... Но ты сама напросилась.

Я икаю от страха.

Он расстрелял мой музыкальный центр, прогнал всех гостей в ряд, как узников концлагеря в кремационную печь! В конце концов, он просто орет на меня.

Это называется «быть мягким»?! Как же тогда он будет выглядеть «злым и жестоким»?!

Боюсь, мне не стоит даже думать об этом. В голове как будто начинает выть сирена, окрашивая все в красный. Она сигнализирует, что самоуправство и даже простое промедление смертельно опасно для жизни. Но больше всего меня поражает другое...

Зачем он стягивает с себя штаны?!

Я вижу волосатые ноги, спортивные икры... У друга отца очень широкие, тренированные бедра мужчины, на одном из них красуется пасть медведя.

Вот уж точно... медведь-гризли! Или нет... не медведь. Кинг-Конг! Злобный, перекачанный, огромный Кинг-Конг, надвигающийся в мою сторону, как смертоносный ураган.

Я замираю на месте. Нужно бежать... Прятаться. Он же запросто меня убьет! Но сдвинуться с места не могу. Мои ноги от страха вросли в пол.

– Выстираешь это. Вручную! Высушишь. Прогладишь! – чеканит мужлан, всовывая мне в руки свои штаны.

Я не знаю, как на это реагировать. Осторожно сгружаю штаны на стол, даже не представляя, как мои крохотные кулачки смогут выстирать эти два метра штанов из грубейшей ткани цвета хаки.

Надо что-то делать. Какого черта он тут раскомандовался?!

Обращаюсь к нему по имени.

– Темирхан...

Черт! Как же дальше звучит его отчество?! Забыла, что следует за его именем.

Не помню, хоть убей! Что-то там такое очень сложное!

Отец говорил, что его друг – кавказец лишь наполовину, мать у него была русская. Но фамилия ему досталась от отца, и отчество у Темирхана очень сложное.

– Абдулхамидович, – подсказывает здоровяк.

– Темирхан Абдуллаевич...

– Абдулхамидович!

– Тимурлан Ахмедхамидович... – окончательно запутываюсь во всем.

– Третья попытка. Последняя! – зловеще произносит бугай, застыв надо мной, как Пизанская башня, готовая рухнуть в любой момент.

– Темирхан... Аб... дул...

Что же там было дальше?! Вспоминай, Диана. Не хочешь же ты умирать, когда тебе едва исполнилось девятнадцать!

– Абдул... хамидович, – выдаю едва слышным писком.

– Верно, – благодушно усмехается здоровяк.

Его усмешка напоминает улыбку головореза, радующегося легкой добыче.

Мамочки, почему отец дружил с таким жутким типом?! В детстве Темирхан казался мне не то великаном, не то людоедом.

Я выросла. Но ничего не изменилось. Я до сих пор боюсь друга моего отца до дрожи во всем теле.

– Зачем вы сюда приехали?!

– Твой отец меня попросил приглядеть за тобой, – с гордостью ответил солдафон.

– Почему именно тебя? Что, других кандидатов не нашлось?

Я внезапно перехожу на «ты». Очевидно, от злости на папу, который не соизволил мне при последнем разговоре поведать о том, что приставит ко мне этого Кинг-Конга.

– Я – лучший!

– Такой бугай, и будешь нянчиться со мной? – презрительно фыркаю. – Быстро надоест!

– Не нянчиться, – возражает. – Воспитывать. Я посмотрел...

Темирхан красноречиво обводит рукой загаженный холл моего дома.

Я краснею от стыда. Не я тут все перевернула и заплевала, но я – хозяйка, так что мне стыдно за устроенный здесь срачельник!

– У тебя есть пробелы в воспитании. Я их устраню.

Устранит?! Пробелы в воспитании?! У меня? Однако сам... сам разгуливает передо мной в одних трусах, демонстрируя упругий зад.

Воспитывать он меня собрался. Поезд уже уехал. Давным-давно!

Обычно я не возмущаюсь рьяно, но отца часто не было дома, моим воспитанием занимались няньки. Когда папа появлялся, он предпочитал проводить со мной время весело, а не шпынять меня по пустякам. Не было нужды...

Да я и сама не хотела устраивать папе проблемы. Но если дело пошло так, как сейчас, то я могу и показать характер!

Я устрою этому громиле сладкую жизнь! Могу поспорить, что он сдастся уже через неделю.

– Итак... Первое. Уборка. Чтобы к завтрашнему утру весь дом блестел, как у кота... – начинает Темирхан командным басом.

– А как же твои солдаты? – нагло перебиваю я. – Папа говорил, что у тебя рота или взвод... Группа солдат. Какие-то подчиненные, за которыми нужно следить и раздавать приказы.

Лицо Темирхана приобретает жестокое, непроницаемое выражение.

– Я давно оставил военную службу. Теперь буду заниматься только тобой.

Что-что? С какой такой великой радости... он будет заниматься мной?!

– Я против!

– Пережуй и проглоти свое «против»! Отныне в этом доме я устанавливаю правила.

Ну и заявление! Я роняю челюсть на пол от таких слов. Пребываю в шоке от услышанного.

Да соберись же ты! Тряпка...

По дому твоего отца разгуливает двухметровый мужлан и читает нотации. А я... А я что?! Ничего. Просто пялюсь на него, пребывая в шоке.

Но надо показать характер. После смерти отца дом и все его имущество перешло ко мне по наследству. Значит, никто мне не указ.

– Эй, дядя, а ты не офигел?! Это мой дом! Я – совершеннолетняя и...

Он оказывается рядом, проносясь по комнате, словно тайфун. Горячая ладонь накрывает мой рот.

Темные, бездонные глаза, полные огня, оказываются напротив моих.

Он – друг моего отца.

Почти вдвое старше меня. Вдвое больше. В десять раз сильнее. Настоящий громила. Великан!

Сейчас эта груда мышц нависает надо мной, и я чувствую себя совсем крошечной. Просто пылинка по сравнению с ним!

Он мнет мои губы жестко и властно.

– Молоко на губах не обсохло, малявка. Я – твой опекун.

Какого черта?!

– Да-а-а-а, – тянет довольно.

В его темных глазах пляшет веселье. Он не таясь разглядывает меня, как будто лакомство. Примеряется, с какого бока откусить, что ли! Я пытаюсь пнуть его ногой в коленную чашечку.

Бум. Как будто стену пнула! Ничего ему не случилось. Стоит и не шелохнется.

– Поменьше ногами дрыгай, не то свяжу, через колено перекину, спущу твои штаны и всыплю...

Говорит хриплым голосом, обдавая меня жарким взглядом, как будто кипятком.

Мамочки... Он не шутит! Точно не шутит. Возьмет и всыплет мне. От такого грубияна всего можно ожидать.

– Какой еще опекун? – спрашиваю спокойнее.

– Невнимательно читала завешание, коза тощая? Я – твой опекун. До двадцати одного года.

Столбенею на месте. Папа! Как ты мог так поступить с единственной дочкой?!

– Кошмар... – стону в полголоса, уточняя. – И что ты будешь делать?

– Контролировать твою жизнь. Воспитывать. Нравится тебе это или нет.

Не верю... Как такое может быть?!

Но грубиян продолжает:

– Ты ни копейки не сможешь потратить без моего разрешения.

Он снова придвигается вплотную, поглаживая мои губы большим пальцем.

– Ну что, будешь послушной или мне тебя наказать?

Глава 3

Темирхан

Мелкая засранка...

Такая мелкая, что в пупок мне дышит! Но смотрит так, словно хочет убить. Воткнуть клинок, провернуть его несколько раз, потом подсесть сухожилия и...

Стоп, Хан. Тебя понесло не в ту степь.

По твоему описанию действовал бы противник в рукопашном бою. Противник, а не мелкая и взбалмошная дочь старого, армейского друга.

Хотя смотрит она так, словно хочет меня убить.

Она точно адекватная? Где ее характеристики? Где личное дело, в конце концов, с пройденным медосмотром и справками от нарколога и психолога?!

Надо будет этим заняться.

Потому что после увольнения заняться мне нечем.

Моих парней нет. Не о ком больше заботиться. Думал, хана мне. Больше ни на что не гожусь. Дерьмовый командир, который посмел выжить в то время, как его парни полегли. Последний умер у меня на руках, когда вертушка уже взлетела...

До сих пор помню его стеклянные глаза.

Оставить военную службу было моим решением. Напоследок меня еще и героем назвали, повесив соответствующую медаль на грудь ко всем остальным. Герой! Кто?! Я?.. Я должен был там сдохнуть, со своими парнями, а меня медалями награждают!

Так стремно. Так стыдно!

Подохнуть – самый лучший выход.

И сдох бы... Не от пули врага, но от алкогольного отравления и тупого ничегонеделанья, если бы не просьба старого друга.

Сначала я отказал. Мне кажется, что Клим немного сдурел, предлагая мне проследить за его крохой-дочуркой.

Я же ее помню вот такусенькой... Малявочкой! С красными бантиками на голове, в белом платье и в сандаликах. Помню, как она плясала на дне Рождения своего отца, пока мы с Климом вспоминали былые времена. Помню ремешок, расстегнувшей на одной ножке. Малявка не заметила этого, наступила, шлепнулась. Едва не разбив себе коленку в кровь. Но я успел схватить ее и помог удержаться на ногах. Застегнул сандалик. Она стояла, едва дыша и глядя на меня, как на страшного мультяшного злодея из сказки. Поблагодарила быстро и убежала. Сколько лет тогда было Дианке? Лет пять, кажется!

В следующий раз я видел ее уже школьницей. В классе пятом, наверное! Подросшую, но совсем немного. Ростом и внешностью Диана вся пошла в Лейлу, свою мать. Во второй раз мы обменялись лишь приветствиями. Я заглянул к Климу лишь по старой дружбе, исполнив небольшую просьбу...

И вот сейчас.

Я не хотел соглашаться, но Клим умел уламывать. Он перечислил факты: после его смерти останется большой и не полностью законный бизнес.

Для управления бизнесом потребуется холодный ум и твердая рука. Ни того, ни другого у Дианки не было.

Клим боялся двух вещей.

Первое: Клим опасался того, что дочурка пустит все его состояние по ветру.

– Диана у меня молодая, неопытная. К тому же я ее растил принцессой, – говорил друг. – Просадить большие бабки – раз плюнуть!

Вечеринка, устроенная Дианой, как нельзя лучше подтверждает опасения моего приятеля.

Второе: Клим подозревал, что на его девочку начнут давить или, того хуже, тупо запугивать, чтобы отжать бизнес.

– Я боюсь за жизнь своей дочери... – вздохнул друг. – Ей может грозить опасность, а она у меня такая нежная девочка. Прямо как Лейла... По старой памяти, Хан! Я только тебе могу дочку доверить. Знаю, что ты – человек слова. Выполнишь обещание. Помоги, а?!

Не хотел соглашаться... Я был уверен, что я уже ни на что не гожусь. Кроме того, чтобы доживать в темном углу остаток своей жизни.

Но Клим очень убедительно попросил, сказав, что находится при смерти.

Последняя предсмертная просьба старого друга. Как можно в такой ситуации отказать?!

Скрепя сердце я согласился.

– И еще одно, Хан. Я знаю, как ты к моей жене, Лейле, по-настоящему относился. Диана – ее копия. Поэтому держи свои причиндалы от моей дочурки как можно дальше! Или я с того света вернусь и намылю тебе шею! – пригрозил друг напоследок.

Держи свои причиндалы подальше? Ха. Смешно! Какие причиндалы, дружище! Диана же у тебя... малявочка с красными бантиками на голове!

Но увидел я ее сегодня и немного прихудел! Миловидная девица. Не малявочка совсем.

По сути, уже полноценная невеста. Сколько ей? Девятнадцать лет недавно исполнилось.

Рост такой же небольшой. Однако фигурка уже не детская, но женская!

Иначе говоря, не малявочка с красными бантиками, но очень даже взрослая, бойкая и, кажется, испорченная девица!

Вон как на меня смотрит. Как будто пырнуть хочет, проткнуть насквозь, выпустить кишки и...

Стоп!

Опять тебя не туда заносит. И пальцы... пальцы-то куда лезут?! На губы дочери старого друга.

Пухлые такие, весьма красивые губешки, и покрашенные алой помадой.

Совсем обалдела! Такой помадой только гулящие девицы губы красят.

Дочь моего старого друга, в прошлом полковника Клима Самарского, этой вульгарной дрянью пользоваться не будет! Вообще не будет косметикой пользоваться. Рано еще. Не доросла!

Вот исполнится лет тридцать, разрешу купить ей пудреницу!

Немного разжимаю хват.

Диана отскакивает от меня, как от огня. Смотрит с удивлением на майку-борцовку, протянутую в ее сторону.

Недоумевает, зачем я с себя майку стащил?! Так это проще простого.

– На, вот! Вытрись!

Глаза округляются еще больше. Диана хлопает длинными, пушистыми ресницами.

– Вытрись. Немедленно. Сотри помаду! – требую.

Снова хлоп-хлоп длинными ресницами. Диана смотрит на меня, потом на майку, потом на мою голую грудь, приоткрывает рот...

– А это больно? – тыкает пальцем прямоком в круглый шрам.

Меня как будто током прошибают насквозь, тычут оголенным проводом в нервную систему. Не понимаю, почему так резко начинает поджаривать?!

Кровь вскипает, пульс учащается. От какого-то прикосновения. Одного-единственного!

– Не больно. Я этот укус даже не почувствовал. Вытрись.

– Не буду ничего стирать! Это красиво и мне так нравится!

Диана начинает упрямиться и поджимает губы, складывая их в плотную, тонкую линию.

Клим точно так же делает, когда на своем стоит. Вернее, делал.

Нет больше моего друга на этом свете, он лежит под могильной плитой. Клим надеялся, что я позабочусь о его дочери.

Однако я стою и какого-то перца тяну кота за хвост. Ценное время утекает сквозь пальцы.

У меня работы непочатый край, пробелов в воспитании дочери Клим – уйма. Надо приступать немедленно, а не стрелять в ее сторону прицельными взглядами.

– Иди сюда, коза!

Зажав голову Дианки между локтем и торсом, начинаю стирать помаду с ее губ. Но чем больше я прилагаю усилия, тем больше эта дрянь размазывается и размазывается.

Диана брыкается, царапает мою спину, орет, плюется. Шипит, как уличная, злая кошка.

– Отпусти меня! Чудовище!

Отпускаю. Помаду стереть не удалось. Только хуже сделал и майку испортил!

Девчонка несется вверх по лестнице. Я вижу, только как мелькают кончики ее длинных волос и четко двигаются половинки задницы.

Мда-а-а-а...

– Тиран! – припечатывает напоследок, перед тем, как свернуть за угол и хлопнуть дверью спальни.

Поднимаюсь следом. Безошибочно угадывая, где находится спальня Дианы.

Девчонка как раз буянит за дверью, ходя по комнате и осыпая меня ругательствами.

– Я тебя не отпускал. Разговор не окончен!

– Я в своей комнате. Это мое личное, неприкосновенное пространство! – топает ногами и бранится в ответ.

– Только я буду решать, где кончается общественное и начинается личное. Переодевайся и начинай делать уборку.

– Я не...

Налегаю плечом на дверь. Дерево начинает трещать.

– Могу вышибить дверь и помочь с выбором одежды для уборки.

– Стой! – кричит. – Не смей! Я... я выйду, разумеется! Мне нужно немного времени, чтобы собраться с мыслями.

– Сколько?

– Чего сколько?

– Сколько времени тебе нужно? Пять минут хватит?

– Пять минут?! Нет! Мне нужно больше времени!

– Хорошо. Десять минут, – отвечаю щедро. – Должно хватить.

В ответ она что-то шипит. Тихо. Едва разборчиво шипит. Не могу разобрать слова! Но ничего...

Придется научить дочку Клим уважению, послушанию.

Посмотреть, как она учится в универе, на кого учится... Какая успеваемость?!

Работы – море!

В общем, возьмусь за нее плотно! Но для начала пусть немного посидит в своей комнате и подумает над ситуацией и поведением.

А я пока разложу свой багаж. Мне в этом доме куковать придется до исполнения Диане двадцати одного года.

Я был уверен, что справлюсь. Всего один человек в подчинении. Да проще простого!

Однако я ошибся...

Это не девушка.

Это ураган в юбке.

Взбалмошный, капризный, крышесносный ураган, в скором времени обеспечивший мне немало проблем.

Глава 4

Диана

Не верю, что отец мог так несправедливо со мной поступить. Скорее всего, Темирхан-как-его-там-дальше-Хамович просто перепутал что-то.

Наверное, грубияна контузило во время последнего боевого задания, вот он и тронулся умом. Но это же поправимое дело. Главное, вовремя начать лечение.

Темирхан ушел, оставив меня одну. Он выделил мне десять минут на сборы. Как будто я нахожусь в армии под его командованием! Так дело не пойдет.

Даже если отец попросил его о чем-то, он мог сообщить об этом нормальным способом, не расстреливая мой музыкальный центр, не раздавая приказы, не трогая меня, в конце концов.

Когда Темирхан зажал меня между локтем и телом, я сначала подумала, что настала моя смерть. Так страшно было оказаться между мощным локтем и исполинским телом.

Оказывается, Темирхану всего лишь не понравилась моя помада, и он решил ее стереть. Варвар!

По закону подлости, я именно сегодня осмелилась накрасить губы так ярко!

Впервые закатали шумную вечеринку. С подачи Аньки, разумеется! Сама бы я не справилась.

Обидно, что я даже не попробовала на вкус запретные развлечения! Откуда ни возьмись, появился этот мужлан, очень не вовремя. Испортил праздник, так и не успевший начаться!

Темирхан увидел в вечеринке опасную угрозу для морального облика дочери старого друга.

Не думаю, что меня утянуло бы на дно порока из-за яркой губной помады и одной устроенной вечеринки.

Но Темирхан придерживается другого мнения.

Придется с ним считаться. Если он, конечно, не врет насчет опекунов! А выяснить это я могу, лишь позвонив папиному юристу.

Семен Борисович... Остается только найти его телефон. Я знаю, что он записан в телефонной книге отца, на столе в рабочем кабинете. Наизусть я номер юриста не помню, конечно же!

Неужели придется совершить вылазку?! Подкравшись на цыпочках в двери, я прислушалась.

В коридоре не происходило ничего подозрительного. Можно выходить? Или не стоит?! Телефон юриста нужно как-то раздобыть.

Сделав круг по комнате, замираю возле окна, выходящего как раз во двор. Темирхан подогнал свой убойно brutalный внедорожник к главному входу, выгружая из него коробки.

Мамочка моя! Солдафон серьезно намерен здесь остаться! Причем, не на день и не на два!

Неужели... теперь я буду жить, находясь во власти сумасшедшего солдафона. Но даже если он сумасшедший, то находится в отличной форме! Я еще ни у одного из мужчин не видела такой широченной и красивой спины...

Заставляю себя силой отвести взгляд от гипнотизирующего зрелища и покидаю комнату, зажав телефон в руке.

Мне нужно проникнуть в кабинет отца. Он запирается, но, к счастью, у меня есть ключик. Я отпираю замок и запираю его изнутри.

Теперь моя главная цель – стол в кабинете отца. Именно на нем лежит телефонная книга. Я быстро нахожу необходимую мне информацию и даже начинаю набирать номер... Внезапно слышу в коридоре тяжелые шаги Темирхана.

Что делать?! Куда спрятаться?!

Не придумав ничего лучше, я просто забиваюсь под стол, в самый дальний угол. Молю бога, чтобы бугай прошел мимо.

Но... в замке кабинета поворачивается ключ. Темирхан входит в комнату. Какого черта он здесь забыл?

Я задерживаю дыхание, закрываю рот ладонью, чтобы не выдать себя неосторожным и громким звуком дыхания.

– Значит, данные камер видеонаблюдения я могу посмотретья отсюда?

– Да, – бодро отчитывается начальник охраны.

Вот, пожалуйста, в моем доме кругом одни предатели! Никому нельзя доверять!

– Вам показать, как настраивается камера? – уточняет охранник.

– Нет. Спасибо. Я сам разберусь позднее! – отвечает Темирхан.

Я сижу под столом, практически перед моим лицом находятся его широкие, массивные бедра. Волосатые, сильно раскоченные.

Да он же не человек, а самый настоящий мамонт!

Пусть уходит поскорее отсюда, пусть оставит меня в покое!

Даже не знаю, что придумать, чтобы окончательно испортить ему жизнь, чтобы дать понять – я уже взрослая самостоятельная девушка и сама могу справиться со всеми проблемами.

На самом деле проблема у меня есть только одна – сам Темирхан. других проблем на горизонте не наблюдается.

Я не знаю, что он делает в кабинете моего отца, но судя по всему, он пытается загрузить компьютер и недовольно цокает, поняв, что на компьютере стоит пароль.

Ха! А ты что думал, здоровяк? Все принесут тебе на блюдечке?! вот и нет!

Я пароль знаю. Но ни за что Темирхану его не скажу. Пусть голову ломает!

Меньше чем через пол минуты раздастся телефонный звонок. Темирхан отвечает на звонок не колеблясь. Я слышу как его низкий грубый голос Вибрирует от сильных эмоций Темирхан отвечает коротко и ясно:

– Да, Карим! Зачем ты звонишь мне? Что случилось?

Собеседник отвечает Темирхану так же коротко и грубо. Это суровый мужской разговор, без сантиментов. Мужчины обсуждают проблемы, старые долги и вооруженные стычки. При чем Темирхан очень рассержен. От злости он даже переходит на свой родной язык. Теперь я ни черта не понимаю.

Потом звучит долгая пауза.

– Нет, я не приеду! – обрубает Темирхан.

В ответ его собеседник говорит что-то пылко друга и с эмоциями.

Я слышала их даже на расстоянии. Мне кажется, что мужчина находится в отчаянии.

– Семья? – спрашивает Темирхан. С ощутимой злобой в голосе. – Снова налегаешь на то, что мы семья?! Проблем выше крыши, и ты давишь на братские чувства!

В ответ мужчина начинает уговаривать Темирхана помочь ему. Я еще толком не понимаю, о чем идет речь. Но, кажется, дело, в которое пытаются втянуть Темирхана, не совсем законное и довольно проблемное.

– Хорошо! – сквозь отвечает Темирхан. – Я приеду и подстрахую тебя. Но это в последний раз, заруби себе на носу!

Мужчина покидает кабинет быстрым шагом. Я жду, пока его шаги стихнут вдалеке, быстро фоткаю нужную мне страничку папиного блокнота и покидаю кабинет. Никем незамеченной.

Со скоростью света залетаю в свою комнату. Очень вовремя.

Потому что через секунду появляется Темирхан собственной персоной и стучит кулаком-кувалдой по моей двери.

Стук такой громкий! Кажется, даже стены трясутся под напором его громадных кулаков и командного баса.

Морщусь... Этому пугающему верзиле надо не опекуном быть, а дрессировать диких зверей.

– Диана?

Бум. Бум. Бум.

– Диана? – повторяет с нетерпеливым рыком.

Потом ругается так, что мои нежные уши, не привыкшие к обилию солдафонского мата, начинают скручиваться трубочкой.

– Сбежала что ли? – спрашивает у себя.

– Я в комнате! Не нужно так грубо выражаться! Или я... Или я могу научиться от тебя дурному. То-то мой папочка на небесах обрадуется, какой пример ты мне подаешь!

– Не умничай. Мне нужно отлучиться. Дело срочное. На несколько часов, – ставит меня в известность Темирхан. – Несколько часов вполне достаточно, чтобы ты ликвидировала бардак в доме. Собственными силами. Я уже отдал распоряжение прислуге не вмешиваться и ни в коем случае не помогать тебе. Вернусь – проверю.

– С белым платочком по всем углам пройдешься? – ехидничаю, бунтуя против деспотичного режима.

Темирхан и часа не провел в доме моего отца, но уже всю раскомандовался. Между прочим, не дав мне время ознакомиться с завещанием, как следует!

Хотя, должна признать, в этом есть целиком моя вина. Когда Семен Борисович объяснял мне, что к чему, я его не слушала. Не могла вникнуть в смысл произносимых им слов, только кивала послушно: «Да-да, мне все понятно!»

Фигушки! Мне ни черта непонятно. Но зато я нажила себе огромных, двухметровых проблем...

– Надо будет, пройду. В общем, тебе есть чем заняться. Мне – тоже. Потом все обсудим! Он уходит.

Что тут обсуждать?!

Я немедленно набираю номер семейного юриста.

Уверена, Семен Борисович, милейшей души человек, найдет мне нестыковки в завещании и укажет способ, которым я смогу избавиться от надзора опекуна-солдафона.

Глава 5

Диана

Телефон жжет мою ладонь. Я уже раз десять набрала номер юриста, стерла и снова набрала его.

Но сначала нужно дождаться, пока уедет Темирхан. Его внедорожник покидает территорию. Только потом я со спокойной душой звоню семейному юристу.

– Семен Борисович? Добрый день!

– Добрый день, Диана. Как поживаете? – вежливо интересуется в ответ юрист.

– Прекрасно, Семен Борисович. До сегодняшнего дня все было прекрасно, если бы не одно «но». В виде опекуна.

– Кхм... И в чем же здесь загвоздка?

– Как в чем? В опекуне! Я не знала... Вернее, вы мне что-то говорили, но я прослушала. Не каждый день теряешь папу, – всхлипываю, вонзаю ногти в ладонь, приказывая себе успокоиться. – В моем доме появился Темирхан Абдул... В общем, сами знаете. Друг отца утверждает, что он – мой опекун!

– Все верно. Таково завещание вашего отца. Он доверил опекунство над вами своему старому верному другу. Темирхану. Я разговаривал с ним, – ровным голосом отвечает юрист. – Он показался мне очень серьезным и ответственным мужчиной.

Конечно, Темирхан – серьезный. Наверное, он раз в год улыбается. Не уверена, что мне доведется увидеть это чудо.

– Я хочу избавиться от его опекунства! – заявляю прямо. – Должен быть выход!

– Разумеется, выход есть!

Ох, вот так бы сразу и сказали! Я начинаю радостно притопывать ногой, но юрист возвращает меня с небес на землю.

– Вы можете отказаться от наследства, Диана. Тогда и в опекуне не будет необходимости.

– То есть как это? Но я же... Я – дочь своего отца. Клим Самарского. Папа много работал... Я не могу просто так бросить все! – возмущенно хватаю воздух ртом. – Должен быть другой вариант!

– Есть и второй вариант. Вы можете выйти замуж, – продолжает. – Тогда в опекунстве не будет необходимости.

Гип-гип-ура! Фиктивный брак решит все мои проблемы.

– Но с разрешения вашего опекуна, – припечатывает меня Семен Борисович.

То есть как это?! Что, если меня внезапно постигнет великая любовь и жажда связать себя узами брака?!

Что мне тогда прикажете делать?!

Выклянчивать у этого солдафона разрешение на брак?

Фиг он мне его даст...

Ага! Даст... по мягкому месту, отпустит, догонит и еще раз наподдаст хорошенько!

– Семен Борисович, я прошу вас еще раз внимательно изучить завещание, – говорю как можно более спокойно.

Вдруг юрист просто не воспринял меня всерьез?! Но я же не играю, у меня есть проблема, требующая немедленного решения.

– Диана, уверяю вас, я тщательно изучил это завещание...

– Должны быть лазейки! – не желаю сдаваться.

– Их нет. Я сам составлял это завещание. Единственные пути избавления от опекунства я вам озвучил. На этом все...

– То есть теперь я нахожусь под круглосуточным наблюдением? Как в тюрьме?

– Диана, не стоит так драматизировать. Более того, я уверен, что вам необходима твердая рука в непростое время после смерти вашего отца. Я могу вам еще чем-нибудь помочь?

Да, можешь! Избавь меня от Темирхана... Но горло уже схватывает горькими рыданиями, и я прощаюсь, еле выдавив из себя жалкое «До свидания...»

* * *

Мне нужна твердая рука. Рука... Не ручища с огромным кулаком, который, кстати, собирается вляпаться во что-то опасное и не совсем законное. По крайней мере, именно такие выводы я сделала из подслушанного разговора.

Темирхана просили помочь разобраться с должниками. Ну-ну, представляю я, как это произойдет! Как в одном из крутых боевиков. Пусть Темирхан будет крутым где-нибудь вдалеке от меня.

Я решаю не терять время зря. Быстро собираю в сумку самые необходимые вещи и спокойно направляюсь на выход. Прогуливаюсь до ворот. Но из будки охраны появляется мужчина.

– Добрый день, дядя Саша! – здороваюсь я и трогаю калитку. – Откройте, пожалуйста.

– Нельзя.

– Не поняла...

– Темирхан отдал приказ не выпускать вас без его разрешения.

Открываю рот и хватаю воздух ртом, не зная, как дышать. Настолько сильно я возмущена, что просто нет слов!

– Дядь Саш! – удивляюсь. – Это же я... Диана! Мне очень нужно выйти. В магазин. За... за женскими принадлежностями! – говорю наобум, краснея.

– Я попрошу кого-нибудь из работающих в доме девушек. Думаю, они не откажут, и вам привезут все необходимое. Вернитесь, пожалуйста, в дом. Очень прошу, Диана. Мне не хочется просить применять силу.

Мне не хочется конфликтовать с добряком дядей Сашей. Но, похоже, что я в один миг просто стала никем. Тенью, с которой можно не считаться вообще! Полное ничтожество.

Шмыгнув носом, я медленно иду обратно.

Уже знаю, что нужно делать. Обойду территорию. Там есть одно слабое место в заборе – можно на заднем дворе перелезть через ограду, забравшись на старую бочку...

Позади раздается шорох шагов.

Оборачиваюсь.

Да что же это такое!

За мной отправили наблюдать второго охранника, бросившего мне в спину:

– Дыру в заборе залатали, бочки и прочее тоже убрали. Убежать не получится! – говорит охранник.

Неужели желание сбежать так явно написано на моем лице?! И что мне остается делать?!

Глава 6

Темирхан

– Поклянись, что это в первый и последний раз!

Брат Карим вместо ответа бросается меня обнимать, хлопая по плечам.

– Спасибо, что приехал на помощь, брат! Спасибо большое! Люди Ермолаева совсем оборзели. Разбомбили мне первый этаж торгового центра! Но с тобой мы им покажем, да?

Брат суетится, полыхая ярким желанием поквитаться с обидчиками и отомстить за причиненный ущерб. Он начал развивать собственный бизнес, а в нем нужно «дружить» с некоторыми людьми, покупая их расположение.

Кажется, Карим не скупился на презенты и «откаты», завел много полезных знакомств. Бизнес пошел в гору и приносит хорошую прибыль.

Но в последнее время Карим и Ермолаев, соседствующий с ним, не могут поделить территорию. Они то и дело устраивают стычки.

Последняя потасовка закончилась перестрелкой. Одного из приближенных Ермолаева ранили. Видимо, в ответ он отдал приказ разбомбить весь первый этаж одного из торговых центров моего брата.

Карим долгое время уговаривал меня работать на него, предлагал место начальника службы безопасности. Я бы с легкостью потянул это дело. Моя военная подготовка позволяет. Но я не хотел ввязываться. Гражданская жизнь для меня казалась пресной. Вот уже третий год, черт побери. Но я до сих пор чувствую себя лишним элементом. Надо завязывать с этим...

Тем более, есть причина взяться за ум и начать жизнь заново. Дочка Клим на моем попечении – вот о чем следует беспокоиться. Нужно организовать жизнь девушки, воспитать из нее достойного человека! Деваху Клим вырастил, но что у нее в ветреной голове?

Мне хватило того представления, что я увидел в первый же визит. Шумная, многолюдная вечеринка, на которой рекой лилось спиртное и даже тянуло «травкой».

Сама же хозяйка дома вообще стояла на столе и размахивала руками. Как дирижер! Давала добро, чтобы гости веселились еще больше и ни в чем себе не отказывали?!

Значит, такую жизнь она выбирает – в пьяном угаре!

Вокруг – друзья-придурки, подружки с подлецей! Я одну такую гнилую сразу приметил. Мне удалось вычислить за несколько мгновений, кого в первую очередь нужно сторониться...

– В общем, надо выдвигаться прямо сейчас! До темноты успеем! – возбужденно говорит Карим.

Завис мыслями не в том направлении. Усилием воли заставляю себя вернуться к разговору с младшим братом.

– Я подготовился, – хвастается Карим, хлопая ладонью по багажнику вместительного джипа. – Посмотри, тут есть все!

Открываю. Ничего себе походной набор военного! Да этим можно разнести в щепки целую улицу! Карим гордо выпячивает грудь колесом.

– Ну как?

– Ты это серьезно? Мы же просто поговорить хотим...

– Да что с Ермолаевым разговаривать?! – злится младший брат. – На меня наезжают, крушат мой бизнес. У меня трое детей! Двое пацанов и одна девочка... – смотрит прямо в глаза. – Вместо того, чтобы радовать свою семью обещанной поездкой в Эмираты, мне придется вос-

становливать торговый центр! Ремонт займет уйму времени и потребует прорву денег. Почему мои дети должны голодать?

– Ты перегибаешь, Карим. Твои дети не голодают и не будут голодать...

– Хан, это только начало, – говорит Карим. – Меня начали теснить. Если я сейчас не отвечу, завтра у меня отберут все. Вот тогда я точно лишусь всего, а ты... Ты будешь в этом виноват. Старший брат, называется! Тьфу!

Карим нервно захлопывает багажник и толкает меня плечом. Походка становится резкой и дерганой. Он запрыгивает в салон автомобиля, потянув дверь на себя. Она захлопывается с жутким грохотом.

Стекло медленно ползет вниз. Брат кидает мне с обидой:

– Не хочешь? Я тебя не заставляю. Может быть, ты за время, что находишься на гражданке, уже жиром заплыл? Забыл, что такое чувствовать опасность! Просто трусишь...

Кто трус?! Я, что ли? Трусом меня еще никто не называл. Но младший брат себе позволил усомниться. Он почти открыто насмехается надо мной.

Я понимаю, что он пытается меня вывести на эмоции, спровоцировать. Должен признать, у него это хорошо получается.

Я злюсь на младшего брата. У него взрывной характер. Он скор на расправу и иногда слишком спешит, принимая неверные решения. Вдруг и сейчас ошибается? Я согласился помочь, но теперь сомневаюсь, что Карим не поторопился с выводами.

Я умею воевать, но далек от мира криминала. Не хочу вмешиваться в территориальные разборки. Если бы не брат...

Карим – родной младший брат. Как старший, я обязан подавать ему пример. Если бы Карим пошел по моим стопам, не было бы проблем с большими воротилами. Но и успеха бы ему тоже не светил. Заслуги перед родиной хороши, но на них такой трехэтажный дом, как у Карима, не построишь.

Я обязан ему помочь. Скриплю зубами от нежелания вступать в местные войны. Но разве я смогу оставить брата одного?

– Постой! Один поедешь, что ли?

– Без тебя справлюсь! Сам! – огрызается Карим. – Или возьму с собой Антона...

Теперь настал мой черед плевать в сторону. Антон?! Нашел кого звать. Антон постоянно подводит Карима. Неизвестно, зачем только Карим его в штате держит?

Черт...

Придется ехать. Не люблю ввязываться в чужие разборки, но выбор невелик. Не хочу терять брата из-за глупых, мелких ссор.

Со вздохом залезаю рядом, на пассажирское сиденье.

– Не надо делать мне одолжение! – злится Карим, распахивая дверь с моей стороны. – Можешь отправляться обратно в свою берлогу. Отлеживай бока. Только жене моей потом на похоронах скажи, что я семью любил и был готов ради них на все...

– Заткнись, я еду с тобой!

Громко захлопываю дверь машины.

– Заводи мотор. Только скажи, ты точно уверен, что в этом виноват Ермолаев?

Не хочется наломать дров из-за ошибки. Мало ли с кем еще Карим поцапался?

– На все сто процентов уверен! – отвечает брат.

– Тогда поехали... Не будем терять время зря!

– А ты, что, куда-то торопишься?

Пожимаю плечами неопределенно. Не хочется расписывать Кариму подробности. Навряд ли он поймет. Скажет, я дурую маюсь вместо того, чтобы на него работать.

Признаюсь, до того, как я побывал в доме Клима, тоже считал, что друг от сильной болезни повредился умом. Но стоило мне пересечь порог, как я понял – друг не ошибся.

Я в том доме необходим, как глоток воздуха. Иначе Диана пустит по ветру все добро, нажитое Климом. Весь его бизнес пойдет прахом, счета опустошатся за неделю или даже меньше.

Что еще можно ждать от ветреной девчонки, помешанной на вечеринках? А ведь Лейла, ее мать, такой не была. Нежная, как цветок, очень добрая. Красивая – глаз не оторвать! Но выбрала не меня, а Клима. Сердцу не прикажешь.

Вот и мое сердце немного кровью облилось, когда я увидел дочку Клима. На мгновение показалось, что передо мной Лейла. Хрупкая, нежная и большеглазая. Трепетная лань!

Но потом дочь Лейлы посмотрела на меня взглядом отца и губы точно так же упрямо поджала.

Наваждение спало, желание смять тонкую фигуру руками и попробовать губы на вкус испарилось в тот же миг.

Э-э-э-э... Как раз насчет этого Клим меня и предупреждал.

Держи свои причиндалы подальше от Дианы, Хан!

В ней кровь не только от Лейлы, но и от Клима. Просто представить, что передо мной находится старый приятель – и нет никаких проблем с ненужным влечением и лишними мыслями.

Что же касается постели, у меня есть Люська... Она никогда не откажет. Всегда мне рада!

Надо будет навестить ее. Хорошенько так навестить, чтобы наверняка дурные мысли испарились из головы...

Глава 7

Диана

Поднявшись в свою комнату, я падаю мешком на кровать, лицом вниз, вгрызаясь зубами в подушку. Злые, горячие слезы душат меня изнутри. Я еще не оправилась от смерти отца. Но на голову свалилась новая неприятность в виде опекуна.

Старый армейский друг отца...

Папа так часто рассказывал байки об их совместном прошлом, что я могу рассказать с точностью до последнего слова любую из них. Отец говорил, что Хан – так он называл своего друга – даже помог справиться с серьезной проблемой в бизнесе.

Не знаю, какая была проблема. Папа меня в тонкости своего бизнеса не посвящал.

Я просто знаю, что у папы – большая транспортная компания, занимается перевозками. Вот и все...

Теперь весь его бизнес тоже принадлежит мне. Я ничегошеньки о нем не знаю. По всей видимости, и управлять не смогу. По той же причине, по которой не могу покинуть дом без разрешения.

Опекун!

Такое короткое слово и такое... мерзкое!

Я пропустила период подросткового бунта, и по всей видимости, он решил догнать и напасть на меня именно сейчас.

По прихоти отца меня загнали в рамки тоталитарного режима армейского самодура.

Терпеть это?! Целых три года? Да я же свихнусь!..

Тронусь умом, меня отправят в психушку на лечение.

Надеюсь, хотя бы в универ мне ходить можно? Или тоже под запретом?!

Черт знает что творится.

Внезапно телефон начинает звонить. Номер не высвечивается, засекречен. Но я отвечаю, не раздумывая.

– Алло?

В ответ звучит тишина.

– Алло-о-о-о! Вы что-то хотели? – уточняю голосом, начинающим терять терпение.

Может быть, это шутка Аньки или кого-то из ее дружков?! Проверяют, можно ли вернуться на вечеринку?

Или просто решили подшутить, напугав меня до дрожи?

Но кое-что меня настораживает. Если бы это звонила Анька или кто-то из ее дружков, на заднем фоне слышались бы сдавленные смешки, писк или просто музыка.

Но сейчас не слышно ничего, кроме... глубоких вдохов и размеренных выдохов. Медленные, очень глубокие, едва слышные, но я чувствую их каждой клеточкой кожи и покрываюсь мурашками внезапного озноба.

Испуганно озираюсь по сторонам и на всякий случай задергиваю шторы в комнате. Мне кажется, что на меня кто-то смотрит издалека... Напряжение становится очень сильным, приподнимая волоски на коже.

– Это дебильная шуточка!

Голос стал высоким и испуганным, как у малолетки, испугавшейся воображаемого монстра в темноте.

Я сбрасываю звонок и осторожно кладу телефон на тумбочку, размышляя, что мне делать с внезапно свалившимся на голову опекуном.

Как поступить? Моя голова лопается от мыслей. Я впервые сталкиваюсь с чем-то подобным и просто не знаю, как реагировать на недавние события.

Надо бы поговорить. Но с кем? Юрист четко дал понять, что лазеек нет и быть не может. Остается только терпеть долгих три года и быть покладистой.

Но я же хорошо воспитанная и очень приличная девушка. До того приличная, что просто тошно.

Один раз устроила вечеринку и то неудачно.

Меня поймали в неудачный момент и сразу же заклеили званием «распутной девицы». Вероятно, именно поэтому друг отца решил восстановить пробелы в воспитании муштрой.

Как подумаю, что меня ждет впереди... Брр-р-р... Наверняка Темирхан заведет привычку будить меня посреди ночи и засекать время, необходимое для переодевания. Будет держать горящую спичку.

А чего еще можно ожидать от такого, как он?!

Ничего хорошего!

К тому же меня насторожил разговор Темирхана. Как будто речь шла не о совсем законных делишках.

И чему меня может научить такой – деспот, самодур, связанный с криминалом? Похоже, папа был совсем плох, если решил доверить меня ему.

Я же и сама могу неплохо справиться со всем. Кроме папиного бизнеса. Тут уж я действительно полный ноль, даже отнекиваться не стану. Выбранная мной профессия далека от мира цифр.

В общем, ничего хорошего в Темирхане нет.

Кроме, разве что, его упругого зада.

Темирхан – мужчина в возрасте, но его крепкий зад даст фору задницам большинства студентов, учащихся со мной на одном курсе.

Говорю, как художник, исключительно, с позиции рассмотрения тела опекуна в роли модели. Вышло бы неплохо...

Пальцы зачесались набросить на этого мужчину просторную тогу, чтобы ткань свободно обтекала скульптурные мышцы.

Уф, не о том я задумалась! Нужно решать, как выбираться.

Но решение упорно не приходит в голову.

Придется заняться уборкой. Мне самой неприятно, что дом папы превратили в свинарник. Осмотрев поле крушения, стону вслух. Изверги даже распотрошили папин элитный бар! Там же каждая бутылочка была на счету – подарки от друзей, партнеров по бизнесу...

Не знаю, с какого бока подступиться к уборке. Это же море без конца и края... Смахиваю горячие слезы пальцами.

– Диана, вам помочь?

Отрицательно машу головой.

– Спасибо, Нина Олеговна, но новый барин запретил, – не могу удержаться от язвительности.

– Темирхан, – недовольно качает головой Нина Олеговна.

Ей около пятидесяти, она заведует уборкой в доме. В доме папы не так много прислуги, я знаю всех по именам. Некоторые служат очень давно, как начальник охраны – дядя Саша, или повариха – Оксана.

Нина Георгиевна работает на отца не так давно, всего полгода. Я не успела с ней сдружиться, но держусь всегда вежливо.

– Вы знали, что он приедет? – прямо спрашиваю я.

– Новый барин запретил рассказывать, – в тон мне отвечает Нина Георгиевна и уходит. Я точно словно в тюрьме. Этот тиран даже слугам запретил разговаривать со мной.

От злости я пинаю первый попавшийся предмет. Это надувной круг. Он сбивает пирамиду пивных стеклянных бутылок.

Грохот стоит неописуемый. Часть бутылок разбилась. Пенный напиток разливается по дорожному паркету.

Отлично, Диана. Хуже быть не могло, но тебе удалось переплюнуть саму себя.

– Пожалуй, начнем, отсюда!

– Но вы же ушли! – смотрю на вернувшуюся Нину Георгиевну с удивлением.

Она прикатила огромное мусорное ведро со швабрами, тряпками и множеством всего остального.

– Я ушла за перчатками и средствами для уборки...

Нина Георгиевна протягивает мне пару огромных, желтых перчаток.

– Наденьте, Диана. Иначе повредите бытовой химией нежную кожу.

– Спасибо...

Автоматически принимаю перчатки. Благодарность в душе внезапно фонтанирует так сильно, что я обнимаю женщину, прижавшись к ней на мгновение.

– Но Темирхан запретил вмешиваться! – вспоминаю о запрете здоровяка. – Спасибо за предложение помочь, но если он узнает, – вздыхаю. – Не хочу, чтобы у вас были проблемы из-за меня!

– Проблем не будет, Диана. Я не буду убирать за тебя, всего лишь подскажу, с чего начать. Ты же непривычная к уборке, даже мусор из комнаты не выносишь.

Нина Георгиевна отвечает мне с легкой, приятельской улыбкой. Но в ее голосе мне слышится небольшой упрек. Или я просто накручиваю себя? Нервы ни к черту...

Глава 8

Темирхан

– Передай Ермолаеву, чтобы больше в мой район не совался!

Заварушка получилась неплохой. Люди Ермолаева не ожидали нападения, но спохватились и начали отстреливаться. Для меня это все равно что небольшая разминка.

Пушка в руках не гарантирует качественного умения применять ее в деле. Одного я легко подстрелил в руку, двое других предпочли подхватить своего раненого товарища и удрать.

Карим начал стрелять по колесам, пробив одно из них. Машина вильнула в сторону, умчавшись.

Мой разум остался спокоен, даже дыхание не участилось. Но Карим взбудоражился не на шутку.

– Остынь, – советую ему. – Получил, что хотел?

– Да! Я им показал, что ко мне соваться не стоит! Будут знать, с кем имеют дело! – хвалится младший брат.

Адреналин бурлит в его крови. Брата тянет на подвиги? Зря!

Я разряжаю брошенное людьми Ермолаева оружие, осторожно обхожу небольшую забегаловку, проверяя все.

Внезапно позади раздается громкий выстрел! Бах! Спустя секунду еще один. Бах!

Громкий стон.

Пригибаюсь автоматически и разворачиваюсь в подкате. Брат поднимает руку с пистолетом, целясь в кого-то.

– Ты что творишь?

– Один за барной стойкой спрятался! – отвечает Карим, обернувшись в мою сторону.

Стойка бара закрывает мне обзор, но я вижу, что человек лежит на полу. Не отстреливается и не сопротивляется.

Брат снова поднимает руку с пистолетом повыше. Я успеваю сбить его с ног. Выстрел проходит немного выше головы мужчины.

– Какого черта? – зло рычит Карим.

Его лицо перекошено от эмоций, глаза пустые и ничего не соображающие. Он рвется из моих рук, желая закончить начатое.

Приходится усмирить младшего брата, разбив ему скулу пистолетом. Отшвыриваю дальше. Он приземляется на пол задницей.

– Мы не стреляем по безоружным, кретин! – выплевываю в его сторону главное правило.

– Он притаился за стойкой! У него может быть пушка...

– Но ее нет! – осматриваю раненого.

Он едва держит голову и шевелит губами, силясь что-то сказать. Правая ладонь окрашивается кровью.

Карим успел выстрелить дважды, прежде чем я вмешался. Одна из пуль серьезно задела мужчину.

– Что ты с ним возишься? – Карим поднимается, кряхтя. – Я ударил копчик из-за тебя... – говорит недовольно. – Пошевелиться больно.

– Он серьезно ранен. Нужно доставить его в больницу.

– С огнестрелом? Сошел с ума?! Оставь его, – бьет по плечу. – Будет приветом нашему другу!

– Очнись, болван. Если он умрет, это будет на твоей совести. Ермолаев не простит тебе смерть одного из своих!

– Это война за бизнес! Здесь бывают жертвы, – огрызается Карим.

– Я могу еще раз тебе по тыкве дать, если тебе с первого раза непонятно! Ты слишком далеко заходишь. Слишком!

Подхватываю раненого, взвалив на свое плечо. Направляюсь к выходу, а сзади слышатся шаркающие шаги Карима и его болезненные постанывания.

– Куда ты?

– Я отвезу его в больницу. К знакомому, который не будет задавать лишних вопросов.

– Мне тоже нужно в больницу...

Карим задерживает дыхание, каракатицей залезая в джип. При каждом движении он бледнеет и матерится, поскуливает побитой собакой.

– Даже дышать трудно. Хан, не мог быть поаккуратнее? – почти плачет Карим. – У моей жены скоро день рождения, а я как старик...

– Сам виноват. Помолчи, пожалуйста!

– Хан, а что бы ты сделал, если бы он начал в меня стрелять? – не унимается Карим. – Стоял бы и смотрел? Оставил бы мою жену – вдовой, а детей – сиротами?! Так, что ли?

– Заткнись по-хорошему, – угрожаю. – Или остановлю машину, вышвырну тебя на обочину! Домой поползешь на корячках... Долго будешь ползти и подумаешь о важном.

– Я не...

Резко нажимаю на тормоз. Раненый сползает вниз по креслу, застонав. Выпрыгнув из машины, резким рывком распахиваю заднюю дверь. Карим сжимается, побледнев, и цепляется пальцами за сиденье.

– Вылезай! – командую.

– Ты же не бросишь меня здесь? – оглядывается Карим.

Мы отъехали уже прилично от забегаловки, где обычно собираются люди Ермолаева. Кругом сейчас только пустырь и склады. Ни машин, ни людей. До города добираться далеко-далеко.

– Я все понял! – Карим поднимает ладони в защитном жесте. – Понял-понял. Я сижу молча. Только доставь меня в больницу, на Винницкой улице. Мой семейный доктор осмотрит меня.

– Сначала – раненый. Твой зад может потерпеть!

Немного остыв, я снова завожу мотор, и машина несется на предельной скорости. Ее иногда заносит и даже подкидывает. Представляю, как «приятно» должно быть Кариму. Но он сцепил зубы покрепче и старается не действовать мне на нервы.

Меня беспокоит, что раненый с каждой минутой теряет все больше крови. Ранение в таком месте, что наложенная из подручных средств перевязка сползает. Лишь бы не умер по дороге в больницу!

Крепко сжимаю руль, матеря себя за то, что полез в эти разборки. С одной стороны, хорошо, что я остановил Карима. Иначе он мог бы пристрелить безоружного мужчину. Есть шанс, что раненый выживет!

С другой стороны, теперь я тоже замарался в криминальных разборках. Наивно полагать, что это пройдет бесследно.

Неприятный холодок разрастается внутри...

Бумеранг всегда возвращается.

Глава 9

Темирхан

Избавился от проблемного брата, оставив его в больнице. Там же оставил и раненого. В больнице сказали, что шансы на выживание у раненого есть и мгновенно повезли его на операцию.

Про брата и говорить не хочется. Карим разохался, как старый дед, пересаживаясь в специальную каталку для инвалидов и стариков. Хотя мог бы и доковылять до кабинета дежурного врача. Не при смерти же!

Стоит только выйти из больницы и свернуть в зону курилки, слышится телефонный звонок. На экране высвечивается имя жены брата. Алия...

Еще одна головная боль!

Но держать невестку в неведении нельзя. Карим говорил, что он еще одного ребенка хочет. Будто ему троих мало. Кто знает, вдруг Алия уже четвертого малыша под сердцем носит? Моего племянника или племянницу...

Брат у меня непоседливый, надоедливый. Иногда он меня откровенно раздражает так, что видеть его не хочется. Но племянников своих я люблю. Души в них не чаю.

– Добрый вечер, Алия. Как твои дела? Как дети?

– Дети хорошо, – торопливо отвечает Алия. – Братья, как всегда, дерутся за игрушки, а Зарина со мной на кухне...

Мне приятно было бы послушать подробности об их тихой, семейной жизни, о небольших склоках и драках между племянниками.

Я словно наяву увидел их смуглые и озорные физиономии, развернув в своем представлении целый спектакль.

Своей семьи у меня никогда не было. Но я охотно принимал участия в жизни семьи Карима, появлялся у них так часто, как только можно. Они все для меня – как родные: и племянники, и даже жена брата – я принимаю ее как за свою сестру.

– Карим не отвечает, – вздыхает Алия. – Ты же с ним уехал?

Хмурюсь.

Откуда Алия знает, куда Карим поехал? Неужели этот болван посвящает жену во все свои дела?

Я бы так никогда не сделал. Есть мужские заботы, которыми не стоит нагружать женщин.

– Карим был со мной, – отвечаю нейтрально.

Алия вздыхает:

– Хан, я знаю, что ты заботаешься о семье и не хочешь тревожить нас понапрасну. Но я так же в курсе многих дел Карима. Он говорил, что у него возникли проблемы. Ты обещал ему помочь...

Не помню, чтобы я заранее давал согласие на помощь. Я согласился помочь брату в последний момент. При мне он не звонил своей жене.

Значит, рассказал обо всем заранее. Изворотливый и наглый до ужаса. Он был уверен, что я не откажу ему.

– Карим в больнице. Возможно, его обследуют, поэтому он не отвечает на твои звонки.

– В больнице? – едва дыша, спрашивает Алия. – Что с ним?! Он ранен? В сознании?

– Алия, успокойся. На твоём муже нет ни царапины. Он просто неудачно приземлился задом и ударил копчик. Думаю, он и сам тебе об этом расскажет, посмеявшись над своей неуклюжестью.

– Ты не обманываешь меня? – всхлипывает жена брата.

– Нет, конечно. Муж и отец твоих детей вернется домой живым и невредимым, – обещаю Алие. – Возможно, только проваляется сутки в больнице, – фыркаю. – Неженка!

– Ты же знаешь, что Карим – не такой, как ты. Не военный.

Голос Алии значительно повеселел. Но она все же выпытывает у меня адрес больницы, куда я отвез Карима. Уверен, что как только наш разговор закончится, она сразу же позвонит в больницу.

– Спасибо, что помогаешь ему. От всей нашей семьи, Хан. Спасибо тебе огромное! Приедешь к нам в гости? – предлагает.

– Разумеется. Приеду на этой неделе. Только решу кое-какие важные вопросы...

– Ты нашел себе работу?

– Нет, моих средств хватает на пожить.

– Хан, тебе пора задуматься о будущем. О семье и детях. Ты же знаешь, какое это счастье – большая и дружная семья. Служба давно осталась позади. Тебе просто необходимо закрепиться в этой жизни, – начинает нравоучения Алия.

Каждый наш разговор заканчивается одним и тем же. Алия начинает сватать мне своих незамужних подруг или разведенных.

– Поболтаем при встрече, идет? Мне пора! – торопливо прощаюсь.

– Да-да, конечно, я тебя не держу! – убеждает меня Алия. – И все-таки...

Ну вот, млин! Почему нельзя завершить разговор на позитивной ноте? Просто сказать «до скорого» и отпустить собеседника?! К чему эти многозначительные паузы.

– Я прошу тебя подумать над предложением Карима. Мне и детям было бы намного спокойнее, если бы мы знали, что Карим находится под твоей защитой.

– Алия, не приплетай сюда детей! – прошу я. – Даже ваш старший пацан еще не соображает в таких делах.

– Хорошо. Скажу от себя – прошу, прими предложение Карима. Мы доверяем тебе. Как никому другому.

– И я это ценю. Но у меня реально сейчас своих забот хватает... Увидимся на неделе, Алия. Пока поцелуй племяншей за меня!

Разделавшись с текущими проблемами, я возвращаюсь в дом своего приятеля. Попутно раздумываю о том, что теперь моя собственная хата будет пустовать.

У меня никак не доходили руки затеять в трешке ремонт. Кажется, настало подходящее время. Пусть я не спешу обзаводиться семьей и постоянными отношениями, в моей жизни наступил переломный момент.

Когда тачка проезжает мимо бара, в котором мне знаком каждый уголок, внутри сказывается привычка. Пальцы едва не проворачивают руль в сторону, чтобы перестроиться в крайний правый ряд, а оттуда свернуть на парковку возле паба.

Привычка едва не побеждает меня. Но я крепче хватаюсь за руль и проезжаю мимо значного места.

Клим доверил мне свою дочурку. Значит, алкоголю больше нет места в моей жизни. Все, завязал. Ни капли в рот не возьму!

Я проворачиваю в голове грандиозные планы, пока добираюсь до дома Клим.

Меня пускают без лишних вопросов, вытягиваются по струнке. Разумеется, ведь я теперь здесь главный.

На улице уже вечер, территория утопает в густых сумерках. Но даже неярко освещенного хватает, чтобы понять – коза меня послушалась. Во дворе – бардак! До сих пор валяются пустые пластиковые стаканчики, повсюду конфетти, ленты дождя и черт знает что еще.

Я привык, что мои приказы исполняются немедленно. Неукоснительно!

Беспрекословно.

Диана послушалась – бросила мне вызов.

Я резко вхожу в холл дома. Задам трепку мегерочке непослушной! Дам понять, что я не шучу и...

Глава 10

Темирхан

Замираю на месте. словно со всего разбега напоровшись на растяжку. Застыл без единого движения, пораженный картиной.

В холле уже прибрано. Ни лифчика на люстре, ни бутылок...

Стоит огромная мусорная корзина и два черных мешка, набитых мусором.

Но поражает меня не это, а скрутившаяся на кресле дочь моего друга.

В обнимку со щеткой для уборки.

На одной руке до сих пор красуется желтая резиновая перчатка, вторая рука крепко держит щетку для чистки мебели.

– Диана, – зову негромко.

Но девчонка и не пошевелилась. Неужели спит по-настоящему?

Я стою, как приклеенный, на одном месте и не могу сделать ни одного шага в сторону. Разглядываю спящую девушку, забывая о том, кем она мне приходится.

Просто люблюсь чистыми, правильными линиями хорошенького личика. Волосы собраны в высокий хвост, сильно растрепавшийся. Несколько прядей дрожат на лице от ее дыхания. Пухлые губы немного приоткрыты.

Она спит. Как ангел.

Крохотная и беззащитная, очень трогательная.

Сейчас в ней очень много от Лейлы – ее матери, в которую я когда-то по дурости влюбился. Влюбился в девушку лучшего друга. На расстоянии. Зная о ней лишь по рассказам Клима.

После службы в армии Клим решил на ней жениться, а я, как болван, в тайне мечтал, что Клим оступится, а я сотру с личика Лейлы слезы разочарования и утешу в горячих объятиях.

Открыто я своих чувств не показывал и никому о них не говорил. Клим и Лей любили друг друга. Поэтому я снова подался на службу, от соблазна и от греха подальше.

Я думал, что никто не догадывался о моем грешке – влечении к жене друга. К тому же влечение быстро прошло, выветрилось...

Это была мимолетная влюбленность. Безответная и немного дурашная. Как ненастоящая!

Мои чувства остались только при мне. Я был в этом уверен, но Клим незадолго до смерти припечатал меня словами о том, что знал обо всем. Догадывался...

Это все в прошлом.

Настоящее – совсем иное.

В настоящем я дурею от созерцания юной красотки, забывая обо всем на свете.

Время останавливается, причины и следствия перестают иметь значение.

Есть только она – Диана – нежная, мягкая и безумно красивая, как сияющая звездочка в темноте.

Я застрял в этом состоянии. Нужно из него выбираться.

Но как? Меня поймали в плен жаркие видения с участием этой малышки. Крепко держат в капкане и не желают отпустить.

Становится так горячо, как будто сердце стало раскаленным камнем.

Соберись, Хан. Ты же не пацан сопливый, а взрослый, сильный мужик.

Приходится повторить это несколько раз, чтобы прогнать мысли, за которые мне должно быть стыдно.

Однако мне, похабнику, не стыдно! Но желанно и горячо так, что штаны трещат по швам. Занесло, называется!

В этот момент Диана поворачивается во сне. Щетка падает из ее пальцев, негромко стукнув о паркет. Девчонка так умаялась уборкой, что не проснулась. Но зато очнулся я, обматерив себя с ног до головы и обратно несколько раз.

Дочь Клима. Все. Хоть фотку папани на ее лоб приклеивай! Чтобы не забываться...

Даже дня не прошло, а мои причиндалы уже диктуют мне, что делать! Не бывать этому. Темирхан не пойдет на поводу своего болта, будь он хоть трижды железным от желания.

Для постельных дел у меня есть Люська! Завтра же навещу эту бабенку в самом соку! Ей тридцать четыре, в постели не скромная, многого не требует! Всегда готова покувыркаться, чему я очень рад.

С Дианой надо что-то делать. Не оставлять же ее спать на кресле, в этом неудобном положении.

Я делаю несколько шагов, подхватываю дочь друга на руки.

Пушиночка! Совсем ничего не весит. Горячее дыхание Дианы легкой дорожкой задевает кожу моей шеи. Стиснув зубы, поднимаюсь по лестнице со своей хрупкой и драгоценной ношей.

Считаю ступеньки.

Так проще держать себя в руках и не сходить с ума от сладкого аромата ее тела.

Я даже не различаю нот, но аромат свежий и очень мягкий. Он обволакивает меня пудровой пеленой и чарует.

Девчонка кажется сейчас другой. Не той безбашенной врединой, выплясывающей на столе посреди хаоса вечеринки.

Но искренней и очень доверчивой девочкой.

Почаще нужно говорить себе о разнице в возрасте! Мысли, пришедшие в голову, ошибочные.

Я опускаю красавицу на кровать. Распрямяюсь и тут же матерюсь.

Не вслух. Но мысленно!

Какого черта я принес Дианку в спальню, которую выбрал для себя. Неужели я настолько ослеп, что даже собственные сумки с вещами не заметил?!

Это все ошибка! Непростительная ошибка. За такое положен штрафбат!

Что, опять нести ее в другую комнату?

Дианка, почувствовав комфорт и мягкость одеяла, выпрямляется с манящей, счастливой улыбкой, скользнувшей по пухлым губам.

У меня рука не поднимается тревожить сонную малышку. Поэтому я я напоследок смотрю на Диану.

Лишь для того, чтобы убедиться – ей комфортно. Но взгляд самовольно очерчивает волнующий контур ее губешек. В голове мелькает мысль – какие они на вкус?

Ну, все, Хан! За такое тебя точно надо кастрировать немедленно!

Я резко покидаю комнату и, чтобы больше не думать о Диане, как о девушке, вспоминаю все рассказы Клима о дочери, представляя себе его широкое, волевое лицо со стальным, холодным взглядом.

Да, млин!

То, что надо! Мгновенно прошибает насквозь, вырывая с корнем мысли о непотребном.

Глава 11

Диана

– Подъем, малявка!

Что?! Я стону и натягиваю одеяло на голову, накрываюсь подушкой для верности. Не трогайте меня, пожалуйста!

Одеяло коварно уползает в сторону, обнажая меня. Тело мгновенно покрывается коркой льда. Да я же обморожусь от такого холода! Почему в спальне так холодно?!

Я шарю рукой по кровати, но не могу нащупать одеяло. Подтягиваю край простыни, пытаюсь обернуться им, но и простыня предательски ускользает в сторону.

– Хватит лежать. Подъем...

Хриплый командный бас разрывает остатки сна на мелкие клочки. Я сажусь в кровати. В своей комнате, разумеется. Хотя не помню, как я сюда попала!

Напротив кровати стоит Темирхан, сложив руки под массивной грудью.

Сегодня на нем надета черная спортивная футболка и шорты для бега. Этот минимум одежды на мужчине словно нарочно подчеркивает его великолепную физическую форму.

Я начинаю злиться на него. Потому что таким мужчиной хочется любоваться, даже если он разбудил тебя черт знает в какую рань.

– Доброе утро, Диана, – здоровается Темирхан.

– Доброе, э-э-э... – немного смущаюсь. – Извините, но мы не обсудили, как мне называть вас.

– Мое отчество для тебя труднопроизносимо. К тому же мы не на приеме у президента. Можешь называть меня Темирхан, – разрешает здоровяк.

– Папа в разговорах говорил просто «Хан», – срывается с моих губ против воли.

– Сокращенно. Но мы не друзья, Диана, не родственники и не близкие приятели, чтобы ты меня так называла, – обрывает самовольство.

– Хорошо, Темирхан. На «вы», с поклоном? – добавляю ехидно.

– Не обострай ситуацию, коза! Можно и на «вы» сказать так, словно в лицо плюешь, и на «ты» обратиться вежливо!

Надо же! Какой урок этикета с самого раннего утра. Неужели он не шутил, говоря, что будет воспитывать меня?! Кажется, точно не шутил!

– Как еще тебя называют? – решаю остановиться на этом нейтральном обращении. Потому что мне не хочется выкать тому, кто первым перешел грани допустимого.

– Вопрос бессмысленный. Поднимайся. Нам пора на пробежку.

– Нам? – ошарашенно. – Постой... Темирхан! На какую пробежку?!

Остатки сна мгновенно вылетают из моей головы. Слова о пробежке действуют на меня лучше будильника.

– Я не бегаю по утрам.

– Теперь бегаешь. Спорт полезен. Совместные занятия спортом скрепляют доверительные отношения. Давай... Вставай и побежали.

Темирхан разворачивается, демонстрируя мне широченную спину, за которой можно спрятаться, как за каменной стеной.

– А если я не захочу? – бросаю вслед.

– Я тебя заставлю, – даже не оборачивается.

С громким стоном я падаю на кровать. Мягкий матрас ласково принимает меня в свои гостеприимные объятия. Я бросила занятия спортом.

У папы в доме есть превосходно оборудованный тренажерный зал. Но я не захожу в него довольно давно.

– Диа-а-а-ана-а-а! – трубит громкий бас с первого этажа.

Черт! Нужно поторопиться.

Немного освежившись, я натягиваю первый попавшийся спортивный костюм и сбегую вниз по ступенькам.

– Пойдем...

Темирхан направляется на улицу, а я, поевшись, иду следом, не испытывая ни капельки радости от того, что придется слушаться деспота во всем, даже в таких мелочах.

– Для начала разомнемся, – командует здоровяк, остановившись на газоне.

Я обвожу взглядом срачельник, так и не убранный со вчерашнего вечера.

– Может быть, я лучше займусь уборкой?

– Уборкой ты тоже займешься, – обещает Темирхан. – Но пока – спорт. Это важно. Особенно для тебя!

– Почему это – особенно для меня?

– Бледная и тощая. Как толку вилку до рта доносишь? – хмыкает мужчина. – Повторяй за мной.

Я пытаюсь повторять упражнения. По правде говоря, мне не хочется делать все правильно. Я нарочно работаю «в полноги» и совсем не стараюсь. Действую на «отвали».

От внимательного Темирхана это не ускользает. Он резко останавливается и надвигается в мою сторону, как ураган.

– Работай в полную силу. Выкладывайся, – говорит, нависнув надо мной.

– Уже устала, – вру, не краснея, опустившись на газон. – Выдохлась.

– Врешь.

Его темные глаза пронизывают меня насквозь, он как будто видит все мои тайные мысли. От такого взгляда не получается спрятаться или утаить хоть что-то.

Я стыдливо отвожу взгляд в сторону, поняв, что не выдержу в схватке взглядами. Он намного сильнее, старше и привык прогибать волю одним лишь взглядом. Причем, волю мужчин, а не юных девчонок вроде меня.

– Поднимайся. Пора бегать...

Он отправляется легкой трусцой. Я нарочно остаюсь на месте. Не станет же он заставлять меня. В самом деле!

Но... оказывается, станет. Еще как!

Отбежав на метров пятьдесят, Темирхан понял, что я не спешу составлять ему компанию, и возвращается.

– Поднялась и побежала за мной.

– Иначе что?

– Иначе я перекину тебя через плечо, как мешок.

– Ну-ну! – фыркаю.

Через секунду испуганно верещу! Кричу ультразвуком. Темирхан легко поднимает меня за щиколотки и забрасывает на плечо, не церемонясь. Моя голова болтается позади его спины.

Тук-тук-тук! Сердце мужчины работает размеренно и четко. Он совсем не чувствует моего веса, что ли! А как ему понравится это?

Я вонзаю зубы в его лопатку.

Тело Темирхана горячее, твердое, словно камень. Можно зубы обломать или... вдохнуть крепкий, дурманящий и захотеть прижаться плотнее, чтобы дышать пряной смесью резкого парфюма и его собственного аромата.

Но через секунду мою задницуогревает болезненный шлепок. Потом еще и еще.
Шлеп-шлеп-шлеп!

– Ай-ай-ай! Поставь меня! Я больше не буду!

Темирхан возвращает меня в вертикальное положение.

– Не будешь что? – уточняет он.

– Не буду кусаться, – шиплю, потирая ушибленный зад.

У Темирхана очень тяжелая рука. Не ладонь, а бетонная плита! Вдруг на моей попе остаются синяки?! Нужно будет поинтересоваться у юриста, можно ли считать это жестоким обращением и основанием для ликвидации опекунства Темирхана надо мной?

– Хорошо. Бегать будешь?

– Бегать не буду! – возражаю с внезапно накатившими слезами и срываюсь прочь.

Пусть попробует догнать, долбанный опекун!

Глава 12

Темирхан

«Не бегаю!» – заявила Диана и задала стрекоча, умчавшись.

Я оторопело смотрел вслед ее фигурке. Вернее, не оторопело, но пялясь на круглую, аппетитную задницу. Организм среагировал, как надо, причиняя дискомфорт.

Злом проняло до самого нутра!

Что за озабоченные мысли?!

Нужно думать о воспитании. Ведь у Дианы явно пробелы и проблемы в общении со взрослыми. Непослушание, язвительность, враждебность...

Словом, много недостатков, которые нужно искоренять.

Поркой.

Перекинуть бы малявку через колено, спустив все, и отшлепать по мягкому месту. Вместо прилива воспитательного энтузиазма меня снова проняло возбуждающей волной, от которой в штанах одеревенело все, что только можно.

Чертыхнувшись, я выполнил несколько сложных упражнений, и только потом отправился на поиски воспитанницы.

Я обнаружил ее не сразу. Пришлось поискать. Причем, я искал в исключительно укромных местах, а она всего лишь сидела за беседкой в саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.